

УДК 821.351.0

DOI 10.25587/2222-5404-2023-20-3-60-71

Любовная и пейзажная лирика в кумыкской оттепельной литературе

М. А. Гусейнов

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН, г. Махачкала, Россия

✉ malik60@list.ru

Аннотация. В статье рассмотрены любовная и пейзажная лирика кумыков периода оттепели в качестве разновидностей национальной словесности, в которых наглядно проявилась эволюция художественной мысли. Исследование осуществлено в контексте социокультурной парадигмы второй половины 1950–1960-х годов в русле общелитературного процесса страны, характеризующегося демократизацией, определенным раскрепощением, уходом от социально-политических, идеологических факторов. При изучении этапных, переходных явлений важным видится рассмотрение направлений, разновидностей словесности, в том числе жанровых, являющихся, условно говоря, традиционными, имеющими свою историю. В кумыкской литературе к ним относятся поэзия интимного содержания, пейзажные зарисовки. Их развитие от творчества первых советских десятилетий к словесности второй половины минувшего столетия отражает процесс эволюции словесного искусства, линии отталкивания от соцреалистических клише, идеологических стереотипов. Актуальность данного исследования продиктована тем, что новое осмысление, современная интерпретация как отдельных знаковых произведений, так и значимых аспектов, конкретных периодов развития литературы, в данном случае кумыкской любовной и пейзажной лирики оттепельных лет, способствуют углубленному постижению истории национальной словесности в частности и путей развития, особенностей эволюции советской многонациональной литературы в целом в конкретике их проявления. Впервые предметом специального научного изучения становится кумыкская оттепельная поэзия; в ней находят разрешение цели и задачи, связанные с определением эволюции художественного мышления народа, раскрепощения поэзии от жестких партийных принципов, соцреалистических клише, возвращения к исконной национальной эстетике поэтического творчества. Наряду с этим присущие оттепельной литературе актуализация проблем частной жизни персонажей в противовес социальной, активизация интереса к сугубо личным вопросам быта и бытия индивида, к его внутреннему миру обусловили апелляцию авторов к традиционным нравственным ценностям, традициям устно-поэтического творчества. В статье использованы социокультурный, сравнительно-исторический, аналитический методы исследования.

Ключевые слова: кумыкская поэзия, дагестанская литература, оттепель, любовная лирика, пейзаж, проблематика, поэтика, эволюция, образ, традиция, эстетика.

Для цитирования: Гусейнов М. А. Любовная и пейзажная лирика в кумыкской оттепельной литературе. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №3. С. 60–71. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-3-60-71

Love and landscape lyrics in Kumyk thaw literature

M. A. Guseynov

G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

✉ malik60@list.ru

Abstract. The article considers the Kumyk love and landscape lyrics of the thaw period as varieties of national literature, in which the evolution of artistic thought was clearly manifested. The study is carried out in the context of the socio-cultural paradigm of the second half of the 1950s and 1960s, in line with the general literary process of the country, characterized by democratization, a certain emancipation from socio-political, ideological factors. In the study of stage, transitional phenomena, it is important to consider the directions and varieties of literature, including genre, which are, relatively speaking, traditional and have their own history. In Kumyk literature, these include intimate poetry and landscape sketches. Their development from the work of the first Soviet decades to the literature of the second half of the last century reflects the process of evolution of verbal art, the line of repulsion from socialist realist clichés and ideological stereotypes. The relevance of this research is determined by the fact that the new comprehension and modern interpretation of both individual, iconic works and significant aspects, specific periods of literary development, in this case the Kumyk love and landscape lyrics of the thaw years, contributes to deeper understanding of the history of national literature in particular and the ways of development, features of the evolution of Soviet multinational literature as a whole in the specifics of their manifestation. For the first time the subject of special scientific study is Kumyk thaw poetry; it resolves the goals and objectives associated with determining the evolution of people's artistic thinking, liberation of poetry from rigid party principles and socialist realist clichés, and a return to the original national aesthetics of poetic creativity. Along with this, the actualization of the problems of the private life of characters as opposed to the social life, the intensification of interest in the purely personal issues of the individual's everyday life and existence, in his inner world, caused the authors to appeal to traditional moral values and the traditions of oral poetic creativity. The article uses socio-cultural, comparative-historical and analytical research methods.

Keywords: Kumyk poetry, Dagestan literature, thaw, love lyrics, landscape, problematics, poetics, evolution, image, tradition, aesthetics.

For citation: Guseynov M. A. Love and landscape lyrics in Kumyk thaw literature. 2023, Vol. 20, No. 3. Pp. 60–71. DOI: 10.25587/2222-5404-2023-20-3-60-71

Введение

Кумыкская литература периода оттепели развивалась в контексте общелитературного, социокультурного процесса всей страны. Обновление, «оживление», новаторство, свойственные рассматриваемому периоду, датируемому 1956–1968 годами, в каждой из национальных литератур имеют свои особенности. Движение художественной мысли четко проявляется в характеризующейся оперативностью поэзии сопоставительно с прозой. С целью достижения конкретности в данной статье мы ограничиваемся рассмотрением кумыкской любовной и пейзажной лирики.

Прежде всего следует отметить, что в годы оттепели было издано более семидесяти поэтических книг кумыкских авторов; кроме того, художественные тексты публиковались в периодической печати, в частности, в журнале «Дослукъ» («Дружба»). Литература указанного времени становилась объектом изучения в обобщающих трудах, монографиях А.-К. Ю. Абдуллатипова [1], Л. А. Шабаевой [1], Р. А. Ахмедовой [2], М. А. Гусейнова [3] и др.

Актуальность данного исследования продиктована тем, что кумыкская поэзия периода оттепели на примере любовной и пейзажной лирики впервые становится объектом специального изучения. Учитывая то обстоятельство, что оттепель в национальной поэзии характеризуется широтой отражения, многомерным содержанием, акцентированное исследование отдельных аспектов, жанровых разновидностей (в данном случае это любовная и пейзажная лирика) способствует, помимо прочего, детализации, выявлению конкретики общелитературного процесса на базе одной из национальных литератур. В более широком аспекте выявленные в данной работе признаки, на первый взгляд, частного свойства, дают возможность для понимания истинной картины, глубинной сути эволюции художественной системы начала второй половины минувшего столетия.

Выбор именно этих ответвлений словесности обусловлен тем, что в кумыкской литературе они имеют свою историю. Зародившаяся в досоветский период, в годы строительства советской власти и в последующие годы любовная и пейзажная лирика, естественно, продолжала свое бытование, но уже в рамках метода социалистического реализма. Здесь можно сказать и об их определенной трансформации, деформации. Однако ситуация медленно, но верно выправлялась. И оттепель стала рубликоном, когда поэзия стала возвращаться к своим истокам.

Целью исследования является изучение кумыкской оттепельной поэзии любовной и пейзажной проблематики с решением задач, прежде всего связанных с эволюцией заявленных разновидностей от предшествующих лет к рассматриваемому периоду, наряду с этим эволюцией внутри временного отрезка 1956–1968 годов. Важным видится отражение как содержательных компонентов, так и поэтики, изобразительно-выразительного арсенала. Очевидна и весомая роль в этом процессе индивидуального своеобразия, самобытности мастеров слова, их национального мировосприятия.

Современные трактовки литературного наследия ценны тем, что дают возможность в новом свете оценить его значимость. Подтверждением этого служат и научные исследования последних лет, в частности, Т. В. Савиной [4], Ч. Вана [5], А. Л. Юрганова [6], А. В. Топалэ [7], З. К. Башариной [8]. Совершенно верной представляется мысль исследователей о том, что «вопрос о литературном наследии был и является ключевым вопросом в социально-культурной, политической и литературной жизни» [8, с. 48], что он связан «с национальной политикой в стране, установкой ориентиров в национальном самосознании» [8, с. 51].

Относительно рассматриваемого нами периода следует отметить, что если оттепель в ряде литератур, особенно русской, достаточно изучена, то в так называемых литературах малых народов она остается неисследованной в должной мере. Актуальность новых, современных исследований связана, прежде всего, с настоятельной необходимостью выявления характерных примет этапов литературного развития национальной словесности, их своеобразия. В то же время конкретика, детализация, свойственная таким трудам, позволяет выявить в русле обновления с течением лет ракурса взгляда особенностей, остававшихся прежде незамеченными либо считавшихся неважными, которые, в свою очередь, оказываются немаловажными для характеристики художественного процесса в целом, отражающих их глубинный смысл.

Особенности развития пейзажной лирики

Истоки кумыкской любовной лирики восходят к дооктябрьскому, досоветскому периоду. В частности, поэма «Влюбленный Ансар» Ансара Кадиева является одним из знаковых, оригинальных произведений дореволюционной кумыкской классики. С утверждением советской власти литература несколько изменилась. Герой художественных произведений прежде всего был ориентирован на решение общественных, политических задач; это был герой деятельный, активно участвующий в начинаниях новой власти. При этом во имя убедительности образов, придания текстам читабельности определенное внимание

уделялось «делам сердечным» молодых персонажей. По существу события личной жизни преподносились как довесок актуальной в тот период социальной проблематике.

Некоторое послабление от жестких критериев соцреализма ортодоксального свойства наблюдается в годы войны. Лирика укрепляет свои позиции в период, за которым в скором времени следует откат.

Существенное обновление литературной жизни происходит в годы оттепели. Любовная лирика кумыкских авторов начинает звучать, условно говоря, в первозданном виде. Прекрасные образцы произведений указанного характера создаются А. Аджиевым, М. Атабаевым, И. Асековым, Б. Магомедовым, М. Ибрагимовой и др.

В этой связи следует подчеркнуть, что переломный этап советской литературы, начатый оттепелью, прежде всего выразился в лирике, а именно любовной. В монографии М. Н. Лейдермана и Л. М. Липовецкого отмечена ее роль как предвестницы перемен: «Сенсационным явлением стала подборка стихов о любви в «Литературной газете» [9, с. 116] (за май 1953 года). Ответ на столь высокую, определяющую значимость стихов о любви сегодня очевиден: в них выразился поворот литературы от социальной, идеологической ориентированности к нуждам и чаяниям конкретной человеческой личности. В монографии А.-К. Ю. Абдуллатипова и Л. А. Шабаевой по этому поводу замечено: «Поэты, писатели стали больше внимания уделять роли отдельного человека в жизни, его значимости, величию, в то время как совсем недавно ему отводилась роль винтика большого станка» [1, с. 6]. В эти годы утверждался приоритет личности, априорной стала мысль о том, что не только каждый гражданин должен служить государству, но и государство должно обеспечить ему комфортное существование. В этой парадигме любовная лирика пробивала брешь в сложившихся партийно-номенклатурных идеологемах.

Общелитературные тенденции имели воплощение и в национальных литературах, в том числе кумыкской. Переход на новый путь четко прослеживается и в национальной лирике любовного содержания. Наглядным подтверждением служит, например, творчество Анвара Аджиева, являвшегося одним из первых авторов цикла стихов о любви, выделенного в отдельный раздел – цикл «Строки любви» («Сююв сатырлар») в книге «Счастливые горы» (дата издания – 1948 год). Начатая уже в годы войны эта тенденция в его творчестве имела планомерное развитие. В книге «Избранные произведения» (1954), приуроченной к сорокалетнему юбилею поэта, также фигурирует цикл «Лирика (любовь)» («Лирика (сююв)»). В этом случае также превалируют произведения, в которых искреннее чувство в какой-либо форме переключается с общественными явлениями, темами труда, производства. Лишь в редких случаях наблюдаются примеры, когда автор избегает таких переключек.

Совершенно иная, практически обратная картина наблюдается в его книге «Споём да посмеемся» («Йырлайыкъ да кюлейик») [10], изданной в 1957 г. В ней тема любви в большей мере освещается без оглядки на социальные факторы, хотя продолжают иметь место и стихи, где сочетаются любовь и труд.

Применительно к указанной тенденции в творчестве А. Аджиева следует заметить, что любовная лирика обретает в годы оттепели полновесное звучание. Обращает внимание осмысленное обращение авторов к этой теме: многие поэты посвящают ей циклы стихов. Более того, в названиях книг находит выражение апелляция авторов к данной тематике (нередко названия любовных стихов выносятся в заглавия поэтических изданий): «Сююв сырлары» – «Тайны любви» (в книге ее перевод дан как «Стихи») Абсалама Аскерханова, «Чечилмеген сыр» – «Нераскрытая тайна» (в титрах книги дано как «Невысказанные мысли») Абдурагима Абдурахманова, «Излей къалгъанман» – «Я все ищу» (в книге – «В поисках») Магомеда Атабаева, «Ирисим» – «Моя доля» (в книге – «Доля») Бадрутдина Магомедова (название собственно стихотворения «Две мои доли» – «Эки ирисим»). Возможно, не лишено оснований то обстоятельство, что в этих случаях фигурируют

имена молодых авторов, творческий путь которых берет начало в годы оттепели. Кроме того, приведенные примеры свидетельствуют, что поэзия интимного содержания заняла в этот период одну из ведущих позиций.

В произведениях кумыкских авторов наблюдаются различные вариации темы любви. Довольно часто прологом поэтической рефлексии становится встреча с девушкой (порой незнакомой), иногда мимолетная, но засевшая в памяти лирического героя, или просто девичий образ, пробудивший романтические чувства. Излюбленной является подобная ситуативность для А. Аджиева и ряда его молодых собратьев по перу А. Абдурахманова, А. Аскерханова, Б. Магомедова и др.

В стихотворении «Пестрый» («Чубар-ала») лирический герой, вышедший вечером встречать стадо, возвращающееся с поля, чтобы пригнать еще не приученных телят домой, видит набирающую из речки воду девушку в пестром тастаре (платке из тюля). Этот образ западает ему в душу, будит в нем искренние чувства. В итоге все телята ему видятся в этом цвете, так что он не может отличить своих от чужих и с легкой иронией по отношению к себе замечает: «Не могу отличить, / Все вокруг видится пестрым» – «Танымайман, бары зат / Чубар-ала гёрюне» (*здесь и везде далее подстр. перев. наш – М. Г.*) [10, с. 18].

Склонность А. Аджиева обыграть увиденный образ, преподнести свои чувства в легкой, юмористической тональности проявляется и в стихотворении «Огонь тамариска» («Йылгъын от»). Лирический герой встретился с девушкой при вспашке поля, заросшего тамариском. Ссылаясь на поговорку «Тамариск будет гореть целый год» («Йылгъын от йыл январ»), в которой имеется в виду медленный, тлеющий огонь, автор, удачно используя созвучную лексику: йылгъын (тамариск), йыл (год), йылы (теплый), ялын (пламя), йылышмакъ (согреть), создает запоминающийся образ любви-огня:

Огонь, опаливший меня в тамариске,
Пламенем объял все мое тело.
Целый год пахать поле, объатым пламенем,
Шутка ли, девушка, игрушка ли?!

Йылгъынлыкъда юрегиме тюшген от
Ялын болуп къуршай мени боюмну.
Йыл битгинче яллай туруп ер сюрмек
Масхарамы, кызы, магъа оюнму?! [10, с. 20]

Марьям Ибрагимова является единственной кумыкской поэтессой, издавшей в рассматриваемый период книгу своих стихов «Соловей» («Бюлбюл») [11], в которой преобладают произведения социальной направленности. Тем не менее ее стихотворения «Заветные слова» («Сагъынчлы сёзлер»), «Я не виновата» («Мен гюнагълы тюгюлмен»), «В театре» («Театрда»), «Свист» («Сызгырыв») и др., посвященные данной теме, привлекательны женским взглядом на взаимоотношения парня и девушки. Поэтесса часто пишет от первого лица, причем от имени как женских, так и мужских героев. Ей присущи целомудрие, сдержанность в проявлении своих чувств. Лирическая героиня в стихотворении «Заветные слова» в русле национальных традиций не смеет выразить своих симпатий к парню; ей доставляет удовольствие лишь лицезреть объект своей любви при случайных встречах на улице. Девушка, согласно народному этикету находящаяся на второстепенной позиции, оказывается в замкнутом кругу. Эта ситуация передается посредством народных речений:

Небеса высоки, – нет лестницы, чтобы на них подняться,
Земля тверда, – нет ключа, чтобы войти в нее.

Кёклер бийик, батгычы ёкъ минмеге,
Ерлер къатты атгычы ёкъ гирмеге [11, с. 55].

Более чувственно стихотворение «В театре», написанное от имени парня. Случайная встреча с понравившейся девушкой в театре будоражит его сердце; он горит желанием, чтобы девушка приласкала, коснулась его тела. В этом случае женскость взгляда проскальзывает в зеркальном отражении чувств самой девушки.

Творческой манере И. Асекова также свойственно выражение своих чувств без вычурных фраз, излишнего пафоса. Ему удается осветить образ в своеобразном ракурсе в русле этнических концептов, заключительной мыслью придать произведению законченность. В стихотворении «На кособоком камне ограды» («Чырны янтыкъ ташында») лирический герой наблюдает за родником, к которому за водой должна прийти, но никак не появится полюбившаяся ему девушка. Он оказывается во власти тревожных чувств, задаваясь риторическими вопросами, оттеняющими глубину его переживаний. Когда выясняется причина случившегося, он шлет шуточные проклятья в адрес отца героини:

Да пролиться пшеничному дождю на дом твоего отца, –
Зачем он протянул к себе во двор воду!

Тек уьуне будай явсун атангны
Абзарына неге тартгъан сув булакъ! [12, с. 63]

С начального периода поэтической деятельности М. Атабаев зарекомендовал себя мастером нежных чувств, которому было свойственно серьезное отношение к женщине, любви. В стихотворении «У...», написанном в форме обращения к полюбившейся ему девушке, своей первой любви, имя которой остается неназванным, автор подчеркивает глубину своих чувств:

Возможно,
Такой дорогой
Не показалась бы мне жизнь,
Если бы в самом начале
Жизни своей
Я не встретился с тобой.

Болма ярай,
Шунча азиз
Тиймес эди яшав магъа
Яшавумну
Лап башында
Ёлукъмагъан бусам сагъа [13, с. 86].

Видимо, неслучайно эти строки были использованы в качестве эпиграфа известным дагестанским прозаиком К. Абуковым к повести «Я виноват, Марьям», являющейся одной из ярких лирических повестей о любви в кумыкской литературе.

С именем прежде всего М. Атабаева связана и тема неразделенной любви, имеющая автобиографическую основу. Любимая девушка лирического героя вышла замуж за другого человека, и ему суждено было писать о ней, своей утраченной любви, и стать благодаря этому одним из мэтров кумыкской любовной лирики. Уже в книге «В пути» выделяется раздел «Трудная любовь» («Къыйын сююв»), в котором предметом поэтических рефлексий становится разлад с любимой, безответность чувств.

Мужской образ, тяжело переживающий разлуку с любимой, в произведениях поэта в 1960-е годы станет сквозным в его творчестве. Душевные страдания от разлуки с женщиной, возведение ее на высокий пьедестал имели место в кумыкской поэзии и прежде, например, у А. Кадиева.

Однако М. Атабаев осмысливает данную ситуацию столь проникновенно, обстоятельно, убедительно, что не оставляет сомнений в тяжести данного испытания. Разлука преподносится как жизненная драма, возможно, самая тяжкая для мужчины. Это тоже придавало новое, свежее звучание национальной словесности. При этом следует заметить, что неразделенность чувств находит отражение, помимо М. Атабаева, и в произведениях А.-В. Сулейманова, С. Токбулатова, А. Аскерханова и др.

В национальной поэзии имеет место целомудренность чувств, превалирует платоническая любовь. Лирические герои И. Асекова, А. Абдурахманова, А. Аскерханова, А. Аджиева и др. убеждены в том, что их чувства не мимолетны; понравившаяся девушка видится им в роли хранительницы домашнего очага. Они лелеют мечту о соединении с объектом своих сердечных чувств брачными узами.

В указанных аспектах проявляется национальное своеобразие кумыкской любовной лирики. Авторы пишут о сокровенном, стараясь не преступать традиционные нравственные понятия, в том числе исламские. Но при этом важно и то, что не только женщина возносится на высокий пьедестал, но и само искреннее чувство. Как явствует из приведенных текстов, оно облагораживает лирических героев, демонстрирует глубину и чистоту их души.

В то же время в ряде произведений молодых авторов имеет место выражение и чувственность; в них наблюдаются примеры встреч влюбленных, прилюдное выражение симпатий друг к другу. Заметим в этой связи, что подобная демонстрация своих чувств не согласуется с национальными традициями, что осознавалось и самими авторами. К примеру, символичным представляется стихотворение Б. Магомедова «Дурачок» («Авлия»), в котором герой преступает грань запретного и стыдится этого:

О том, что я целовался в саду,
Будто узнал весь мир,
Сам себя теперь
Я стесняюсь, дурачок.

Бавда мен объюшгени
Билегендей сав люнья,
Озьюм оьзюмден энни
Уяламан, авлия [14, с. 6].

Таким образом, кумыкская любовная лирика периода оттепели подводит к выводу о том, что в ней четко прослеживается эволюция национальной словесности. Если прежде было нормативным изображение «нежных» чувств в контексте воспроизведения социальной, производственной проблематики, то теперь они предстают ценными без параллелей, в чистом, превозданном виде.

Любовная лирика кумыкских авторов характеризуется трепетным, благородным отношением к образу любимой; в ней превалируют платонические чувства в противовес чувственности, телесности, наблюдаемым в текстах отдельных молодых поэтов. В этом случае проявляются национальные нравственно-этические представления, этническое своеобразие разрешения указанной проблематики.

В данной разновидности словесности обращает на себя внимание позитивная, радостная тональность, вербализующаяся в яркой экспрессии, образности, метафоричности. Данные компоненты, свойственные и народной песенной лирике, служат свидетельством апелляции поэтов к устно-поэтическим традициям.

Обновление поэтики пейзажной лирики

Поэзии любви во многом сродни пейзажная лирика как историей развития, так и ролью и местом в литературе исследуемого периода. В этом случае также было важно каким-то образом проводить параллель между зарисовками природы и современностью, делать ссылку на достижения советской страны, таким образом, в художественных произведениях социальный фон был практически нормативен. В период оттепели такого рода требования становятся необязательными. В этой связи пейзаж расходуется с идеологией, обретает самоценность. Ценность собственно зарисовок природы определяется теперь только художественными достоинствами произведения.

Природа становится объектом изображения в произведениях как известных, опытных мастеров – А. Аджиева, А.-В. Сулейманова, Б. Астемирова, К. Султанова, А. Батырова, так и молодых авторов – Ш. Альбериева, И. Асекова, М. Атабаева, А.-К. Залимханова, В. Загирова, А. Аскерханова, А. Абдурахманова и др. Если говорить о количественных параметрах более конкретно, например, сопоставительно с интимной лирикой, то пейзаж ей уступает существенно. Тем не менее факт оперирования им множеством авторов служит подтверждением ее значимой роли в литературе.

Как и в предшествующие десятилетия, у национальных авторов превалирует флористический пейзаж. Кроме того, нельзя не заметить, что более привлекательными в акте творческого созерцания предстают времена года либо суток. Стихотворения «Снег идет» («Къар ява») А.-В. Сулейманова, «Весна» («Язбаш»), «Летнее утро» («Яз эртени») К. Султанова, «Весна» («Язбаш»), «Летний день» («Яйны гюню») Б. Астемирова, «Рассвет» («Танг»), «Время рассвета» («Танг вакъти») А. Батырова, «Зимнее утро» («Къыш эртени»), «Летний день» («Язны гюню») Ш. Альбериева, «Летний день» («Язны гюню»), «Зимний день» («Къышны гюню») А. Абдурахманова, «Зимний вечер» («Къыш ахшам») А. Абакарова, «Весна («Язбаш») А. Аскерханова, «Вечерняя пора» («Ахшам ара») А.-К. Залимханова и др. в полной мере это подтверждают.

Качественным сдвигом в оттепельной поэзии является освобождение пейзажа от идеологической конъюнктуры, как и в случае с любовной лирикой. В большей мере это проявляется у молодых авторов. В частности, своеобразным ракурсом взгляда характеризуется пейзажная лирика Абдул-Керима Залимханова. В большей мере посредством метафор, олицетворений ему удается создать запоминающиеся, яркие этюды. Так, бушующее море в стихотворении «После бури» («Борандан сонг»), жанр которого в подзаголовке определен как «этюда», дается в образе опьяненного молодца:

Волна, качаясь, словно хмельной молодец,
Наклонившись, изрыгает на камни белую пену.

Эсирген жагъилдей лавлайгъан толкъун
Энкейип ташлагъа акъ гёбюк къуса [15, с. 33].

Приближение зимы им передается в заунывной, отчасти мрачной тональности, так как в это время увядает природа родной кумыкской степи:

Туманные, влажные печальные степи
Снимают свою ситцевую рубашку.
Мой порог чешущие ветра
Воют ночью, как собаки.

Чарслы, чыкълы пашман чёллер
Чыт гёлегин чечелер.
Посагъамны хашып еллер
Итдей улуй гечелер [15, с. 32].

В устах А.-К. Залимханова естественны образы звездногозлого вечера, ночи с длинными косами (стихотворение «Звездногозлый...» – «Юлдуз гёзлю...»):

Звездногозлый тихий вечер
Печален, как влюбленная девушка <...>.
Волоча свои длинные черные косы,
Идет по ложбине ночь.

Юлдуз гёзлю юваш ахшам
Гъашыкъ къыз йимик пашман <...>.
Къара чачын сюйреп ёлдан
Гече геле къол булан [15, с. 37].

Природа в кумыкской поэзии предстает в многоликом формате. Часто она сравнивается с родным краем, соотносясь с образами степи, отчего села – ата юрт; полноценно начинает функционировать морской пейзаж (в немалой степени благодаря творчеству А.-К. Залимханова и Б. Магомедова, служивших на флоте).

Одним из излюбленных концептов кумыкских поэтов является соотнесение природы и девичьего образа, темы любви. В качестве удачного образца можно привести стихотворение «Кокетство» («Назланыв») Б. Магомедова. В нем образы бурана и тала (ивы) идентифицируются в образах буйного парня и кроткой девушки. Созерцая «поле белое, звездную ночь» («авлакь акъ, юлдузлу гече»), автор замечает:

Буран,
надев свой белый чекмень,
Гуляет вдоль канала.

Боран
акъ чепкенин гийип
Къыдыра татавул бойда [14, с. 20].

Он то поет, то резво танцует, словно парень, охмелевший на свадьбе. Он снимает платье с встретившейся ему на пути ивы («талны капотун чече»), а затем «Обнимает обнаженную иву... / Но ива ему шепчет еле-еле...» («Къучакълай ялангъач талны... / Тал огъар шыбышлай гъаран...») [13, с. 21].

Стихотворение Б. Магомедова привлекательно своеобразно преломленным сюжетом, содержательностью. Концовка произведения наполняет его глубоким смыслом, заставляя читателя задуматься:

Ночь гасит свой чираг.
Отрезвевший буран
успокаивается.
Но у,
подобно девушке
застенчивой, тонкой,
ивы
ломается верхушка ствола.

Чырагъын къайтара гече.
Айыкъгъан боран да
тына.
Тек,

къыздай
уялчан, инче
Талны
баш бутагъы сына [14, с. 21].

Действенность данного произведения определяется множеством факторов, мастерски сцепленных автором в единое целое. Помимо поэтической символики буран – ива, парень – девушка, художественных средств (метафоры, сравнения), это и образы национальной картины мира: поле, ветер (буран), ива, оросительный канал.

Таким образом, можно констатировать, что в оттепельной поэзии пейзаж стал функционировать полновесно, обрел художественно-эстетическую самоценность. Усиление природной тематики было продиктовано прежде всего целью глубокого отражения мирозерцания лирического героя, его эстетического восприятия окружающей действительности. Посредством незаурядных зарисовок природы авторы демонстрировали также свою любовь к малой родине, отчей земле, материнской, кумыкской степи. Их произведения впечатляют самобытной поэтикой, обилием изобразительно-выразительных средств: сравнений, эпитетов, метафор.

Заключение

Кумыкская оттепельная поэзия во многих своих аспектах, направлениях, тенденциях демонстрирует новаторство, оригинальность, эволюцию. Сопоставительно с предшествующим, послеоктябрьским почти сорокалетием явно был обозначен поворот литературы на новый путь, новые рельсы, новый пафос. Продекларированные официальными структурами демократические решения, в том числе свобода слова, сказались позитивно. Содержание кумыкской литературы свидетельствует, что стало можно выражать свои сокровенные чувства, писать о том, что волнует.

Любовная и пейзажная лирика кумыков служит подтверждением того, что в годы оттепели шла эволюция по пути переориентации от социальной, идеологической детерминации к нуждам и чаяниям конкретной личности, его частной жизни. Если прежде было нормативным воспроизведение интимных чувств, пейзажа в русле тем производства, труда, то теперь они предстают самоценными, без соотнесения с социальными явлениями.

Произведения А. Аджиева, М. Атабаева, Б. Магомедова и др., посвященные любви, демонстрируют развитие национальной словесности по пути усиления нравственно-эстетического звучания. Поэзия, апеллируя к образу личности, находящейся во власти «искренних чувств», становилась утонченной, образней, наполнялась глубоким художественно-смысловым содержанием. Активизация данной разновидности в годы оттепели проявляется и в более частом обращении к ней национальных авторов. Кроме того, ступившие на литературную стезю в эти годы молодые поэты стали именовать свои книги названиями стихов о любви. Приметой новаторства видится и апелляция к фольклорной поэтике, традициям кумыкской народной песенной лирики.

С любовной лирикой по многим параметрам обнаруживают родство зарисовки природы. Стихотворения А. Аджиева, А.-К. Залимханова, Б. Магомедова и др. отражают глубину чувствований, тонкость мироощущения лирического героя. Обращение к природе было продиктовано и со стремлением авторов продемонстрировать свою поэтическую состоятельность, ведь пейзаж был определенным трендом оттепели.

Кумыкские поэты, словно стремясь передать неописуемую красоту природы, оперируют броскими, неожиданными сравнениями, метафорами, символами. С течением времени функциональная роль пейзажа расширяется. В поздней оттепели она становилась объектом, дававшим возможность национальным поэтам выразить свою любовь к малой родине, отчей земле, кумыкской степи.

Кумыкская любовная и пейзажная лирика периода оттепели представляется знаковым явлением. Она служит признаком перехода словесной культуры на новый уровень: поэзия возвращалась к своей изначальной сути, начинала служить своему исконному предназначению. В последующем эти тенденции имели поступательное развитие, расширяя свои горизонты в художественно-эстетическом, нравственно-философском и др. форматах.

Л и т е р а т у р а

1. Абдуллатипов, А.-К. Ю. История кумыкской литературы (1941–1990). III часть / А.-К. Ю. Абдуллатипов, Л. А. Шабаетова. – Махачкала : ДГУ; ДГПУ, 2019. – 360 с.
2. Ахмедова, Р. А. О благородстве, щедрости и чести / Р. А. Ахмедова. – Махачкала : Дагкнигоиздат, 2022. – 288 с.
3. Гусейнов, М. А. Картины эволюции кумыкской прозы 1960–1980-х годов : дораб. изд. / М. А. Гусейнов. – Махачкала : ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. – 143 с.
4. Савина, Т. В. Говорить по-большевистски? Язык партийца в литературе «оттепели» / Т. В. Савина // Исторический курьер. – 2022. – № 6 (26). – С. 164–179.
5. Ван, Ч. Советская литература периода «оттепели» / Ч. Ван // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. – 2022. – № 33. – С. 315–320.
6. Юрганов, А. Л. «Оттепель» в СССР : две модели рефлексии после XX съезда КПСС / А. Л. Юрганов // Философский журнал. – 2021. – Том 14. – № 3. – С. 131–147.
7. Топалэ, А. В. Оттепель, советская культура / А. В. Топалэ, А. С. Неретина, М. С. Хашиев [и др.] // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2020. – № 11-6 (67). – С. 63–68.
8. Башарина, З. К. С. П. Данилов и Г. П. Башарин : к вопросу о литературном наследии / З. К. Башарина, К. Г. Башарин, О. К. Башарина // Вестник СВФУ. – 2019. – №6. – С. 46–56.
9. Лейдерман, Н. Л. Русская литература XX века (1950–1990-е годы). В 2-х т. Том 1. 1953–1968 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Москва : Академия, 2008. – 416 с.
10. Аджиев, А. Споём да посмеемся (Йырлайыкъ да кюлейик) / А. Аджиев. – Махачкала : Дагкнигоиздат, 1957. – 125 с. На кум. яз.
11. Ибрагимова, М. Соловей (Бюлбюл) / М. Ибрагимова. – Махачкала : Дагкнигоиздат, 1961. – С. 55. На кум. яз.
12. Асеков, И. Песни молодости (Яшлыкны йырлары) / И. Асеков. – Махачкала : Дагкнигоиздат, 1961. – С. 63. На кум. яз.
13. Атабаев, М. В поисках (Излей кьалгъанман) / М. Атабаев. – Махачкала : Дагкнигоиздат, 1963. – С. 86. На кум. яз.
14. Магомедов, Б. Доля (Ирисим) / Б. Магомедов. – Махачкала : Дагкнигоиздат, 1968. – С. 29. На кум. яз.
15. Залимханов, А.-К. Подснежники (Шатманлар) / А.-К. Залимханов. – Махачкала : Дагкнигоиздат, 1968. – С. 33. На кум. яз.

R e f e r e n c e s

1. Abdullatipov, A.-K. Yu. and Shabaeva, L. A. (2019) History of Kumyk literature (1941–1990). III part. Makhachkala: DSU; DSPU.
2. Akhmedova, R. A. (2022) About nobility, generosity and honor. Makhachkala: Dagkniгоizdat.
3. Guseinov, M. A. (2012) Pictures of the evolution of Kumyk prose of the 1960–1980s: revised. ed. Makhachkala: IYALI DSC RAS.
4. Savina, T. V. (2022) 'Speak Bolshevik? The language of the party member in the literature of the "thaw".' Historical Courier, (6), pp. 164–179.
5. Wang, C. (2022) 'Soviet literature of the "Thaw" period.' Modern problems of linguistics and methods of teaching the Russian language at universities and schools, (33), pp. 315–320.

6. Yurganov, A. L. (2021) "'The Thaw' in the USSR: two models of reflection after the XX Congress of the CPSU.' *Philosophical Journal*, 14(3), pp. 131–147.
7. Topale, A. V., Neretina, A. S., Khashiev, M. S. et al. (2020) 'Thaw, Soviet culture.' *Current scientific research in the modern world*, (11-6), pp. 63–68.
8. Basharina, Z. K., Basharin, K. G. and Basharina, O. K. (2019) 'S. P. Danilov and G. P. Basharin: on the issue of literary heritage.' *Bulletin of NEFU*, (6), pp. 46–56.
9. Leiderman, N. L. and Lipovetsky, M. N. (2008) *Russian literature of the 20th century (1950–1990s). In 2 volumes. Volume 1. 1953–1968. Moscow: Academy.*
10. Adzhiev, A. (1957) *Let's sing and laugh (Yyrlayik da kuleik). Makhachkala: Dagknigoizdat.*
11. Ibragimova, M. (1961) *Solovey (Bulbul). Makhachkala: Dagknigoizdat, p. 55.*
12. Asekov, I. (1961) *Songs of Youth (Yashlykny Yyrlars). Makhachkala: Dagknigoizdat, p. 63.*
13. Atabaev, M. (1963) *In search (Izlei kalganman). Makhachkala: Dagknigoizdat, p. 86.*
14. Magomedov, B. (1968) *Share (Irisim). Makhachkala: Dagknigoizdat, p. 29.*
15. Zelimkhanov, A.-K. (1968) *Snowdrops (Shatmanlar). Makhachkala: Dagknigoizdat, p. 33.*

ГУСЕЙНОВ *Малик Алиевич* – д. филол. н., г. н. с., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

E-mail: malik60@list.ru

GUSEYNOV *Malik Alievich* – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.